

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

Близкие люди

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении книги использован
шрифт «Клементина»
© «Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80   **Близкие люди** : [роман] / Татьяна Устинова. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-82417-5

Утром Степану позвонил его зам, Чернов, и сообщил, что обнаружил на стройке супермаркета труп разнорабочего Муркина. Неслабое начало дня! Степан, глава компании «Строительные Технологии», понимал, теперь объясняться придется не только с ментами, но и с заказчиками. А они ребята серьезные. А тут покойник... Да еще местные активисты устраивают марш протеста против стройки торжища якобы на святом месте... Но милиция установила — Муркин погиб в результате несчастного случая. Однако Степан в это не верит. Ведь он сам нашел в вещах покойного тетрадку, записи в которой свидетельствуют, что простой разнорабочий был... шантажистом. Похоже, его убил тот, из кого он вытягивал денежки. И убийца кто-то из своих, близких людей... Степан сознательно оттягивал страшный момент, когда придется разбираться в записях. Оказалось, не зря говорят — промедление смерти подобно!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82417-5

© Устинова Т.В., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало все выяснить, все проверить, все разъяснить...

*А. Милн. Винни-Пух
и все-все-все*

Было темно и сыро. Дождик прошел, и в воздухе пахло весной, влажной землей и стройкой.

«Странно, — подумал человек, стоявший почти на самом краю свежего котлована. — Наверное, точно так же пахло, когда древние египтяне строили свои загадочные и великие пирамиды. Шел дождик — должно быть, редкая штука в тех краях, — земля раскисала и размягчалась, как сентиментальная старуха от слезливого фильма, и во влажном воздухе повисал запах стройки. Две с половиной тысячи лет прошло, никто и никогда ничего толком не узнает о том, что было тогда, а запах не изменился».

Человек усмехнулся и швырнул в котлован окурочек. Маленькая оранжевая комета мелькнула в вязкой темноте и исчезла, потухла.

Что-то сегодня его потянуло на философские размышления. К чему бы? К старости, что ли? Вот бы удивились те, другие, если бы могли подслушать его мысли! Для них он никто, они его и не замечают даже. Разнорабочий — подай, принеси, поддержи, за бутылкой сбегай!..

Его это забавляло. Он знал о них гораздо больше, чем они о нем, и в этом было его неоспоримое преимущество. Когда-то, еще в школе, он прочитал о том, что всеми событиями на земле управляют вовсе не те, кто громче всех кричит и размахивает флагом на баррикадах. Можно кричать и размахивать сколько угодно — хоть всю жизнь! — и даже не догадываться о том, что все это — исполнение чьей-то чужой и более сильной воли.

Никогда ему не хотелось быть впереди. Он всегда оставался в тени, незаметный, серый человечиска, годный только тачку возить да бегать за бутылкой. Он усмехнулся. О нем никто ничего не знал, зато он знал все обо всех. За это знание многие — большинство! — готовы были выложить любые деньги.

Было очень тихо, только где-то монотонно капала вода. Кап-кап-кап... И запах земли и влажного бетона становился все более отчетливым, каким-то предутренним.

Ну? И сколько ему еще ждать?

Конечно, он человек маленький, ему подождать ничего не стоит, но время шло, а машины все не было. Пожалуй, придется придумать какое-нибудь наказание. Нельзя, в самом деле, позволять им опаздывать... Он посмотрел на часы. Ну да. Почти на полчаса. Он знает, каким будет наказание. Одна мысль об этом доставила ему такое удовольствие, что он зажмурился и засмеялся.

Нет, флагами на баррикадах пусть размахивают дураки. Мы умные, мы как-нибудь потише...

А вот и машина.

Со стороны шоссе приближалось негромкое сытое урчание заморского двигателя. В темноте разобрать ничего было нельзя. Прожектора по всему периметру стройки разбивали прямо-таки с маниакальным упорством. Они не горели почти никогда, хотя шеф каждую неделю заставлял покупать новые лампы. Небось денег на это ухнул целую кучу.

«И вообще... ну ее к дьяволу, эту стройку. Что-то непонятное то и дело происходит вокруг. Вот получу то, что мне причитается, накажу кого надо за своеволие — и поминай как звали, гори ваша стройка синим пламенем...»

Он начал спускаться к условленному месту. Земля с тихим приятным шуршанием сыпалась из-под ботинок.

Он шел осторожно, стараясь особенно не лезть в грязь, и был уже на полпути, когда поднял голову, и под единственным уцелевшим фонарем навстречу ему блеснула мокрая крыша большой и тяжелой машины.

Он замер, как насторожившийся лис, почуявший

охотника. Черт возьми, это была совсем не та машина, которую он ожидал увидеть!

Что это значит?! Они не договаривались о том, что приедет именно эта машина! Хозяина этой машины он ненавидел и боялся. Пожалуй, единственного из них.

Раз так, знать он ничего не знает.

Не было никакого договора, да и все. Сделка не состоится.

Он просто вышел покурить среди ночи. Покурить и оглядеться вокруг, удостовериться, что все благополучно, а то черт знает что тут происходит. Вон опять прожектор разбили... Что же охранники, спят, что ли, как медведи зимой?!

Играть ему было привычно и легко. Играл он всегда на «пять с плюсом». Черт принес эту машину!.. Придется удвоить цену и наказание придумать посерьезнее, пусть не держат его за дурака!

Шум мотора смолк совсем близко. Хлопнула дверь.

Знает или не знает тот человек в машине, зачем он ночью бродит по котловану? Знает или нет? От этого сейчас все зависит. Ему рассказали или этот приезд просто обыкновенная проверка?

Он сделал еще несколько шагов, остановился и вытащил из кармана сигареты. Как будто только что увидев машину, он поднял голову и стал озираться по сторонам.

— Кто здесь? — спросил он громко, и собственный голос в тишине пустой ночной стройки показался ему жалким и испуганным. Честный человек, вышедший среди ночи покурить, не может говорить таким голосом. — Это кто приехал?

В ответ не раздалось ни звука. Неподвижная гора полированного железа блестела под фонарем неживым инопланетным блеском.

Но он отчетливо слышал, как хлопнула дверь. Знает, кто-то вышел и ходит где-то поблизости. Тогда почему не отзывается?

Внезапно ему стало страшно. Так страшно, что волосы встали дыбом.

Нужно уходить. Быстрее.

В вагончиках у самой границы леса спят люди. Если

он закричит, они проснутся. Конечно, проснутся. Ничего страшного.

Он суетливо повернулся, увязая башмаками в жирной земле, сделал шаг, и из темноты его быстро и точно ударили в висок. Он всхлипнул, нелепо взмахнул руками и упал лицом вниз на бетонную плиту.

Тело нашел Чернов, который по причине всегдашних домашних неурядиц приезжал на работу раньше всех. Поначалу, увидев в котловане неподвижно лежащего человека, Чернов решил, что это кто-то из рабочих прилег отдохнуть «после вчерашнего». Человек лежал так удобно, в таком безмятежном покое, что Чернов рассвирепел. Хорошо хоть Степан еще не приехал. Была бы история, если бы этого отдыхающего нашел Степан!

«Вот козлы. Допились до того, что не могут по вагончикам разойтись! Уволю к дьяволу, прямо сейчас, кто бы это ни был».

Увольнять ему никого не пришлось.

Человек был мертв. Так безнадежно, так ужасающе мертв, что у Чернова едва не отнялись ноги, когда он взглянул в белое с желтым лицом.

«Его уже кто-то «уволил», — подумал Чернов словно сквозь вату. — Даже две недели не дал, как положено по законодательству о труде.

Вот только этого им всем сейчас и не хватало. Вот все у них сейчас замечательно и хорошо. Только трупа не доставало. Как-то скучно было без трупа...»

Чернов быстро закурил, стараясь не смотреть под ноги, где лежал покойник. Хуже всего, что это был не абстрактный труп, а Володька Муркин, разнорабочий, которого он сам нанял с месяц назад. Володька как Володька — в меру пьющий, невзрачный, вечно суетливый, как будто стремящийся всем услужить. Чернов его не любил.

«И как он умудрился свалиться башкой на эту плитку?! Куда его понесло?! Вроде сильно он никогда не пил. Может, вчера подрался? С кем? Если с кем-то из наших — все, мы пропали — приедет милиция, начнутся разбирательства, идиотские допросы, вызовы в отделе-

ние и прочее. Работа встанет, а время не просто поджимает, оно давит на нас, как кузнечный пресс. Великий господи, сделай так, чтобы не было никакой драки, чтобы он сам свалился, пусть нехорошо, что я тебя об этом прошу, но сделай так, господи!..»

Вадим Чернов, тридцати семи лет от роду, самоуверенный, образованный и упрямый, как все бывшие военные, не верил в науку криминалистику и был совершенно точно уверен, что никакую картину преступления по одному следу, оставленному на земле, или сгоревшей спичке воссоздать нельзя. Расследования убийств казались ему такой же глупостью, как попытка определить, есть ли жизнь на Марсе, глядя на этот самый Марс в телатральный бинокль. Да и не понимал он, зачем расследовать, когда можно не расследовать, а засадить за решетку первого попавшегося под руку и написать в отчете, что убийца пойман и больше угрозы для общества не представляет.

Пусть все, что угодно. Пусть работяги вчера в стельку надрались, пусть обнаружится несоблюдение каких-нибудь очередных правил техники безопасности, но только не драка. Потому что если драка — значит, убийство, значит, расследование, в общем, конец света.

Черт бы взял этого Муркина, выбравшего такое неподходящее время, чтобы откинуть сандалии. Хотя, может, именно черт его и взял.

Понимая, что милиция все равно приедет, даже если это просто несчастный случай, Чернов отступил назад, стараясь попасть в собственный след. Все же детективы он почитывал и знал, что возле трупа лучше ничего не трогать.

Была бы охота что-то там еще и трогать!

Чернов полез в карман за телефоном, но тут же в раздражении сунул его обратно. Как он ни хорохорился, но вид мертвого Володьки произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем он сам мог себе признаться. Руки были не просто влажные — они были мокрые и холодные, как шкура дохлой рыбы. Он сердито зашагал к тонкой водопроводной трубе, нелепо торчавшей на краю котлована, отвернул шершавый вентиль и попил мутной ржавой воды. Потом плеснул в лицо.

«Возьми себя в руки. Чай, не барышня».

Он злобно утер физиономию подкладкой куртки и посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было, только в отдалении у вагончиков начиналась привычная утренняя жизнь. Чернов взглянул на часы. Шесть. Седьмой.

«Никто еще ничего не знает, — подумал он тоскливо. — Для всех пока что начинается обычный день. Только он, Вадим Чернов, стоит в двух шагах от трупа Володьки Муркина и не может заставить себя позвонить».

Он вздохнул и снова посмотрел в котлован, смутно надеясь, что труп куда-нибудь исчез за то время, пока он умывался. Труп, будь он неладен, был на месте.

Что-то поблескивало на полпути между мертвым Володькой и бетонным столбом, к которому был прикручен прожектор, как будто золотое кольцо в куче навоза. Чернов взглянул, прищурившись, и стал спускаться, по дуге обходя труп. Стараясь не смотреть в его сторону, он копнул носком ботинка рыхлую землю. Какой-то длинный и узкий предмет, похожий на тюбик губной помады, сверкнув полированным золотым боком, подпрыгнул и мягко шлепнулся неподалеку. Чернов наклонился, поднял его и вытер о куртку.

Это оказалась зажигалка. Стильная позолоченная зажигалка, на которой было выдавлено черным «Кельн Мессе». Зажигалка принадлежала Степану. Он привез ее в марте со строительной выставки из Германии, куда поехал с Беловым, оставив Чернова за старшего. Чернову тогда тоже хотелось в Германию, тем более что он никогда еще не был за границей, но Степан решил, что поедет Белов.

Значит, Степан эту свою драгоценную зажигалку потерял, да еще в таком неподходящем месте...

Чернов думал всего одну секунду, а потом сунул зажигалку в карман. Даже идиоту ясно, что Степан не может иметь отношения к смерти какого-то никому не нужного распоследнего рабочего с собственной стройки, а раз так, значит, зажигалку эту он просто сунул мимо кармана, когда вчера или позавчера лазал по котловану, и ментам об этом знать совсем не обязательно.

Преодолевая себя, Вадим еще раз посмотрел вниз, на Володьку, отвернулся, выматерился и решительно достал телефон.

...— Па-ап!

Шум воды в трубах, шипение яичницы на сковороде, развеселые вопли ведущего утренней программы на радио.

— Папа!

Стук посуды и пронзительный взвизг кофемолки.

— Папа!!

Степан вздрогнул и оглянулся, чуть не выпустив кофемолку из рук.

— Пап, ну ты чего?! Совсем уже?!

С Ивана на пол текла вода. Он стоял в дверном проеме мокрый и совершенно голый. Степан уставился на него, как будто впервые увидел.

— Я тебя зову, зову! Ты что, не слышишь?

— Нет, — сказал Степан. — Не слышу. Уже пора?

— Давно пора, — ответил Иван обиженно и зашлепал в ванную, бормоча себе под нос: — Зову, зову, два часа уже...

Степан переставил сковородку, хлопнул по кнопке чайника и пошел в ванную вслед за сыном.

— Давай! — приказал Иван и зажмурился. Он стоял в ванне — острые локти, выпуклые коленки, ребра все до одного можно пересчитать, ручки-палочки и ножки-дощечки. В кого он такой худющий? Степан усмехнулся. Утренний ритуал никогда не менялся. Просто сегодня он что-то отвлекся и про ритуал позабыл.

— Готов? — переспросил Степан, повыше поднимая ведро с холодной водой. Иван сосредоточенно кивнул, не открывая глаз. Степан перевернул ведро, вода отвесно упала на Ивана, так что он даже покачнулся, стекла по всем ребрам, по ручкам-палочкам и по ножкам-дощечкам. Иван моментально покрылся гусиной кожей и встряхнулся, как собачонка.

Степан сунул ему полотенце.

— Ты просто супербизон, — сказал он нелепую фразу, которая приводила Ивана в восторг и тоже была частью ритуала.

Из полотенца вынырнула розовая мордаха, сияющая кривоватыми передними зубами.

Просто ангел божий, а не ребенок.

Степан тяжело вздохнул.

— Вытирайся, и давай завтракать. Мне некогда.
— Тебе всегда некогда, — заявил Иван из полотенца.
— Тебе когда-нибудь будет есть когда?
— Так нельзя говорить, — поправил Степан машинально, — нужно сказать: «Будет ли у тебя время».
— Да какая разница! Времени-то все равно не будет...

Внезапно Степан пришел в сильное раздражение. Как будто Иван в чем-то несправедливо обвинял его.

— Вот если ты будешь все время со мной базарить, — сказал он, хотя Иван вовсе и не базарил, — времени у меня совсем не станет.

И ушел на кухню.

Конечно, ему некогда. Он работает с утра до ночи. Все мечты о том, что в один прекрасный день дело пойдет без него, а ему останется только пожинать лавры, ежедневно разбивались вдребезги, как любовная лодка о быт в стихах революционного поэта Маяковского. Иногда ему приходится работать по субботам и даже по воскресеньям.

Степан разложил по тарелкам яичницу.

Он понятия не имеет, куда деть Ивана, когда начнутся каникулы. Черт бы взял эту продвинутую школу, где каникулы начинаются почему-то в апреле! В прошлом году у них все лето жила мама, а в этом году мама умерла...

— Иван! — крикнул Степан громче, чем нужно. — Ну где ты там?!

Думать об этом с утра нельзя. Об этом можно думать только ночью, когда Иван спит и впереди еще пять часов, чтобы прийти в себя. Степан не мог позволить себе такие думы с утра пораньше.

— Пап, где моя черная водолазка?

— Посмотри в шкафу.

— Да нет ее в шкафу, я уже смотрел!

— Иван, я ее не надевал, если ты об этом спрашиваешь!

— Я спрашиваю, где моя черная водолазка?! — Голос уже почти дрожит. Не восьмилетний мужик, а рохля и мямля, ей-богу!

Степан стукнул сковородкой о плиту и большими

сердитыми шагами пошел в комнату к сыну. Иван стоял перед распахнутым шкафом и зачем-то перебирал трусы на нижней полке.

— Трусы ты тоже потерял? — спросил Степан язвительно. — На, вот твоя водолазка! Ты что, не можешь голову поднять и посмотреть?!

Он был не прав и знал это. Домработница Клара Ильинична почему-то положила Иванову водолазку очень высоко, в постельное белье. Иван снизу ни увидеть, ни достать ее не мог.

— Одевайся быстрее! — приказал Степан. — Мы уже опаздываем.

Он привозил Ивана в школу очень рано, раньше всех остальных детей, и сдавал с рук на руки классному руководителю — или, по-новому, воспитателю — Валерию Владимировичу. Наверное, с полчаса Иван сидел в классе один. Привозить его позже Степан не мог — он начинал работать очень рано, с половины девятого. И все равно ничего не успевал.

Пришел Иван, волоча за собой стильный немецкий рюкзак, который отец привез ему из Кельна. Рюкзак сын швырнул в угол, а сам сел, зацепил свои облаченные в джинсы «дощечки» за ножки стула и занял:

— Опять яичница? Не хочу я никакой яичницы! Сколько можно ее есть? Вчера Клара Ильинична в холодильнике кашу оставила. Пшенную...

Степану стыдно было признаться, что кашу он сам вечером съел. Ему тоже смертельно надоели покупные антрекоты и куры-гриль.

Поэтому он сказал грозно:

— Ешь давай! — и подвинул сыну тарелку. И налил морковный сок, который Иван терпеть не мог и пил, зажимая нос пальцами.

Иван взглянул отцу в лицо совершенно черными Лелючкиными глазами и, очевидно, увидев там что-то, пререкаться не стал и начал покладисто ковырять яичницу.

Лучше бы скандалил.

— Хочешь, вечером в ресторан пойдем, а? — предложил Степан. Чувство вины требовало какого-то выхода. — В какой-нибудь... итальянский. Где макароны подают.

Иван глянул на него и отхлебнул морковного сока, не забыв предварительно зажать нос.

— Ты дучше в школу зайди, — прогундосил он, не отпуская носа. — У всех родидеди приходят, а у бедя нед.

— А что? — насторожившись, спросил Степан и легонько хлопнул его по руке, чтобы он отпустил нос. — У нас проблемы?

— Нет у нас проблемов, — ответил Иван, но как-то подозрительно быстро начал жевать яичницу.

— Проблем, — поправил Степан, отчетливо понимая, что этих самых проблем там, очевидно, воз и маленькая тележка.

Он уже почти простил жену за то, что она ушла от него. Но он никак не мог простить мать за то, что она так неожиданно умерла. Они остались с Иваном одни. Со всем одни. Конечно, с хозяйством они справятся, им не привыкать — мама всю жизнь жила отдельно и в хозяйстве участия не принимала. А друг с другом?

— Ты что, опять тройков нахватал?

— Ничего я не нахватал! — ответил Иван, дернув плечом. — Просто я не знаю...

— Чего ты не знаешь?

— Пап, ну съезди в школу и спроси, чего я не знаю! — Он оскорбленно засопел, губы у него искривились и набухли, и всю мордашу как будто повело в сторону. — Она говорит, что я все неправильно понимаю! А я не знаю, что я неправильно понимаю!

— Да кто она-то?

— Инга Арнольдовна! — выкрикнул Иван, отвернувшись и утерся рукавом. Степан слышал это имя впервые.

— Кто такая Инга Арнольдовна?

— Она ведет у нас литературу. Между прочим, с нового учебного года, папочка!

В их продвинутой школе с первого класса преподавали не чтение, а литературу.

— Ты что, — осторожно спросил Степан, — плохо читаешь?

Иван научился читать года в четыре и с тех пор буквально проглатывал все, что только попадало ему в руки.

— Папа! — воскликнул Иван с упреком. Он воспринимал такие вопросы как оскорбление. Он не понимал,

почему взрослые иногда говорят такие глупости. — Читаю я хорошо! Я не понимаю! Понимаешь? Не понимаю!

— Черт знает что, — пробормотал Степан беспомощно. Не хватало еще только проблем в школе!

В громадном офисном здании на Профсоюзной, которое отремонтировала его строительная фирма, на прошлой неделе какие-то идиоты выбили стекла, засыпав весь ковролин мелкой, как будто алмазной, крошкой, которую ничем было не взять, даже самыми мощными пылесосами. Пока они решали, что делать с ковролином — перестилать или все-таки чистить, — прямо перед зданием прорвало водопроводную трубу, и районная администрация вместо того, чтобы трубу чинить, три дня пыталась доказать, что во всем виноваты Степановы строители, которых за чем-то понесло в этот колодец. Степан мотался в администрацию и в мэрию, скандалил, лебезил, доказывал, уговаривал, платил деньги, унижался и ругался.

В это самое время на другом его объекте, в Сафоново, местные жители организовали пикеты и стали кидаться под бульдозеры. Приехала программа «Времечко» и еще какая-то, точно такая же, только с другого канала, Степан всегда их путал. Приехал вездесущий «Гринпис», хотя никакого отношения к экологии скандал не имел, притащилось местное начальство, мечтая под это дело получить еще какие-нибудь взятки.

Старухи орали, старики потрясали тощими кулаками, рабочие, которым не платили за простои, матерились и грозились всех закопать, мужики под шумок растаскивали что под руку попадет, дети висли на ограждениях сетках, предводитель орал в мегафон: «Не допустим на нашей земле святотатства!»

Святотатство заключалось в том, что, по сведениям этого самого предводителя, там, где сейчас строился торговый центр, когда-то был храм. Стоял он еще в допетровские времена, а потом его почему-то снесли и выстроили другой, на самом высоком холме, в центре села Сафонова. Никто и знать не знал о том, что на этом месте был храм, пока не объявился местный активист по имени Леонид и не стал мутить воду.